ГОДЪ XXXVIII

# КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкой. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1899 года. № 16. 16 Августа.

## ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

### ПОУЧЕНІЕ

### 15 августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы.

(*Наша смерть и состояніе душъ при разлученіи ихъ съ тѣлами*).

Въ день Успенія Пресвятой Богородицы, думаю предложить вамъ, друзья мои, слово о нашемъ успеніи, или правильнѣе, о нашей кончинѣ. Надѣюсь, что такою бесѣдою не нарушу я торжественности праздника,—тѣмъ болѣе, что имѣю въ виду назидательность предмета. Не буду я говорить ни о блаженной кончинѣ праведниковъ, ни о постыдной кончинѣ отчаянныхъ грѣшниковъ, а скажу о кончинѣ такихъ грѣшниковъ, каковыхъ больше всего на свѣтѣ,—которые, подобно намъ грѣшнымъ, хотя и грѣшатъ во время своей земной жизни, но и каются,—которые, хотя и бываютъ больными, но все-таки остаются живыми членами Церкви,—которые живутъ съ вѣрою въ Іисуса Христа и умираютъ съ святымъ Пріобщеніемъ, въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчной.

Какова же кончина такихъ грѣшниковъ, — каково состояніе ихъ душъ, при разлученіи съ тѣлами?

Тяжка, тяжка смерть и для такихъ грѣшниковъ; разлученіе и ихъ душъ съ тѣлами—не легкое, не безболѣзненное. „Разлученіе съ жизнію, пишетъ св. Ефремъ Сиринъ, крайне опечаливаетъ грѣшника, который видитъ у себя предъ очами свое нерадѣніе съ горькими плодами его. Какое раскаяніе обыметъ тогда сердце малорадѣвшаго здѣсь о спасеніи своемъ!“. „Увы мнѣ, яковый подвигъ имать душа, разлучающися отъ тѣлесе! Увы, колико тогда слезитъ, и нѣсть помилуяй ю!“... говорится о смертномъ часѣ грѣшника въ одной изъ погребальныхъ церковныхъ пѣсней. „Какъ, чадо, изображу тебѣ болѣзнь тѣлесную, и лютое горе, и бѣду умирающихъ!— говорила по своей кончинѣ, въ видѣніи, ученику преподобнаго Василія новаго, Григорію, преподобная Ѳеодора, сподвижница Василія. Съ чѣмъ сравню этотъ часъ? Представь, что кто-нибудь нагой брошенъ въ огонь и, сгарая въ немъ, обращается постепенно въ пепелъ; такъ точно болѣзнь смертная и горькій часъ разлученія души съ тѣломъ разрушаютъ человѣка. Воистину, люта смерть подобныхъ мнѣ грѣшниковъ!“. Многіе изъ насъ, будучи не разъ свидѣтелями смерти собратій, безъ сомнѣнія, и опытно знаютъ, какъ мучительно бываетъ для нѣкоторыхъ умирающихъ разлученіе ихъ души съ тѣломъ; особенно тяжело бываетъ это смертное разлученіе душъ для людей, слишкомъ пристрастившихся къ своему тѣлу, къ своимъ земнымъ пріобрѣтеніямъ. Особенно тяжело бываетъ это разлученіе для тѣхъ душъ, которыя, во время земной жизни, мало помышляли о мірѣ духовномъ, мало готовилась къ жизни загробной, вѣчной... Вотъ, въ страхѣ и смущеніи, отходящая душа мало-по-малу забываетъ уже и о своихъ земныхъ сродникахъ и друзьяхъ и о всемъ земномъ, и начинаетъ прозрѣвать въ міръ духовный. Какъ въ ветхомъ домѣ, приходящемъ въ разрушеніе, образуются трещины,

дозволяющія видѣть нѣчто и внѣ дома, такъ и разрушающееся тѣло умирающаго даетъ возможность душѣ его прозрѣвать въ область потустороння́го міра,—въ міръ духовъ. Благо, если душа умирающаго, во время земной жизни, сроднилась съ міромъ ангельскимъ и съ душами почившихъ праведниковъ. Тогда она, въ радости и веселіи, видитъ ихъ и утѣшается ихъ присутствіемъ. Не то бываетъ съ болѣе или менѣе тяжкимъ грѣшникомъ: въ смертные часы ему представляются иногда разныя страшилища, отъ которыхъ онъ приходитъ въ трепетъ,—мечется изъ стороны въ сторону, кричитъ, вопитъ, и ни въ чемъ не находитъ успокоенія. Наконецъ, послѣдняя минута настала, и душа разлучается съ тѣломъ. Тотчасъ же начинается для бѣдной души и страшное испытаніе,—предначинается для нея и судъ. *Лежитъ человѣку единою умрети, потомъ же судъ*: говоритъ Слово Божіе. (Евр. 9, 27). Этотъ судъ Божій совершается, по ученію Церкви, чрезъ ангеловъ добрыхъ и злыхъ. При одрѣ умирающихъ являются и добрые ангелы, ангелы хранители; являются тутъ же и духи злые, истязатели. „Много ты услышишь разсказовъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, объ ужасахъ, при послѣднемъ концѣ, и страшныхъ явленіяхъ духовъ, которыхъ самый видъ нестерпимъ для умирающихъ, такъ что лежащіе на одрѣ съ великою силою потрясаютъ оный и страшно взираютъ на предстоящихъ, тогда какъ душа силится удержаться въ тѣлѣ и не хочетъ разлучиться съ нимъ, ужасаясь видѣнія приближающихся ангеловъ. Ибо, если мы, смотря на страшныхъ людей, трепещемъ, то какое будетъ наше мученіе, когда увидимъ приближающихся ангеловъ грозныхъ и неумолимыя силы, когда они душу нашу повлекутъ и будутъ отторгать отъ тѣла, когда много будетъ она рыдать, но и вотще и безъ пользы“...

Вотъ что говорится объ этомъ и въ житіи упомянутаго нами выше, преподобнаго Василія новаго. По молитвѣ ученика его—св. Григорія, желавшаго знать о состояніи души

умершей сподвижницы Василія—Өеодоры, явилась ему во снѣ сама праведная, и такъ разсказала о своей кончинѣ. Въ минуту моей смерти, говорила она, одръ мой окружило множество демоновъ со свитками въ рукахъ. Когда они развернули ихъ, я увидѣла, что тамъ записаны всѣ худыя дѣла, совершенныя мною отъ юности; демоны, указавъ на нихъ, требовали, чтобы я за ними слѣдовала, объяснивъ мнѣ, что я—ихъ жертва. Съ ужасомъ обращала душа моя, оставившая тѣло, вокругъ себя взоръ, умоляющій о помощи, и увидѣла невдалекѣ двухъ ангеловъ. Они приблизились ко мнѣ, указали демонамъ на свои свитки, бывшіе у нихъ въ рукахъ, гдѣ записаны были мои добрыя дѣла, и сказали врагамъ, что я имъ не принадлежу. Злые духи, слыша то, скрежетали на меня зубами своими, хотѣли вырвать меня изъ рукъ ангеловъ и бросить во дно адово; но святые ангелы хранили меня". „При разлученіи души нашей съ тѣломъ, говоритъ и св. Кириллъ александрійскій, предстанутъ предъ нами съ одной стороны силы небесныя, а съ другой—власти тмы, злые міросодержители воздушныхъ мытарствъ, истязатели и обличители нашихъ дѣлъ; узрѣвъ ихъ, душа возмутится, содрогнется, вострепещетъ и смятется, и въ ужасѣ будетъ искать себѣ защиты у ангеловъ Божіихъ"... Такъ, тяжко бываетъ грѣшной душѣ, при разлученіи ея съ тѣломъ... Но не отъ чего другаго, нужно замѣтить, какъ отъ ея грѣховъ. *Смерть грѣшниковъ люта*: говоритъ Слово Божіе. (Псал. 34, 22).

Итакъ, друзья мои, отъ насъ самихъ пока еще зависитъ, чтобы наша смерть была для насъ *не лютою* а *красною*. Нужно намъ жить такъ, чтобы въ каждую минуту быть готовыми къ смерти. Живая вѣра во Христа Спасителя нашего, возможно частое сердечное раскаяніе во грѣхахъ съ пріобщеніемъ св. Таинъ Христовыхъ—вотъ что облегчитъ намъ и нашу смерть. „Опомнись же, душа моя, скажемъ словами одного святаго (Евагрія), и помысли: какъ вынесешь ты внезапное разлученіе

твое отъ тѣла, когда грозные ангелы придутъ за тобою и восхитятъ тебя въ часъ, въ который ты не ожидаешь, и во время, о которомъ ты не знаешь". Опомнись, душе моя, опомнись!

## Истинные духовные запросы крестьянской среды.

Со дня уничтоженія крѣпостной зависимости, настала для крестьянъ новая эра жизни. Державная воля незабвеннаго Царя-Освободителя пробудила простой народъ отъ тяжелаго вѣковаго сна и дала ему право именоваться собственниками, а не позорнымъ именемъ рабовъ. Приниженные тяжелыми историческими обстоятельствами и задавленные въ своихъ духовныхъ стремленіяхъ, крестьяне радостно стряхнули съ себя непосильное вѣковое бремя и бодро встали на ноги. Но безпросвѣтная мгла долго еще окутывала умственный горизонъ простолюдина: съ его духовнаго взора не скоро еще спала пелена.—Рабство положительно отучило крестьянъ думать о своихъ физическихъ и духовныхъ потребностяхъ; ихъ низкій умственный горизонтъ долго еще не позволялъ имъ разумно пользоваться дарованной свободой, этимъ главнѣйшимъ прерогативомъ всякаго человѣка на пути прогресса. Это во первыхъ. Во вторыхъ, тѣ ужасныя страданія за вѣру и народность, какія приходилось испытывать крестьянамъ отъ жестокихъ и фанатичныхъ пановъ, научили ихъ быть чрезвычайно осторожными и крайне подозрительными. Неудивительно поэтому, что крестьяне 60-хъ годовъ такъ скептически и даже враждебно относились ко всему тому, что шло къ нимъ не изъ ихъ среды, что такъ или иначе было чуждо старому строю ихъ жизни. Они сплошь и рядомъ всё отвергали—и доброе и злое: въ нихъ говорила тогда боязнь за

свою свободу. Въ этомъ настроенiи духа слѣдуетъ искать причину, по которой на первыхъ порахъ нашимъ крестьянамъ не могли привиться никакiя лжеученiя; здѣсь же кроется и другая причина, почему опростившiеся народники, подобные Тургеневскому Нежданову, при самой усердной пропагандѣ своихъ идей, не могли имѣть положительно никакого успѣха.

Но вотъ прошло послѣ приснопамятнаго 19 февраля около 10 лѣтъ Въ народѣ мало по малу стало ослабѣвать впечатлѣнiе минувшаго рабства; въ молодыхъ поколѣнiяхъ перестали и вспоминать о тяжелыхъ историческихъ урокахъ прошлой жизни ихъ дѣдовъ. И чтоже? мы видимъ, какъ постепенно измѣняется духъ народной жизни, какъ молодое поколѣнiе, попадающее, благодаря отхожимъ промысламъ, въ среду фабричныхъ рабочихъ и всякихъ иновѣрцевъ, прогрессивно развращается и заражается ядомъ религiознаго вольнодумства. На почвѣ этой мало по малу выростаетъ и развивается то разнородное сектанство, которое въ восьмидесятыхъ годахъ страшной волной хлынуло въ народную массу.

Хотя сектанство въ послѣднее время значительно ослабѣло, тѣмъ не менѣе духъ сомнѣнiя и критическаго отношенiя къ вопросамъ вѣры нисколько не угасаетъ въ мѣстностяхъ, зараженныхъ нѣкогда ядомъ рацiоналистическихъ убѣжденiй. Говоря объ этомъ, нельзя не признать, что и нравственный уровень народной жизни за послѣднее десятилѣтiе слишкомъ понизился по сравненiю съ предъидущими годами. Въ этомъ отношенiи мы должны винить, во первыхъ, то ложное направленiе народнаго просвѣщенiя 70-хъ годовъ, которое ставило себѣ цѣлiю не религiозное воспитанiе крестьянскихъ дѣтей, а одно лишь накопленiе возможно большей суммы знанiй, и, во вторыхъ, полнѣйшее игнорированiе назрѣвшей въ народѣ потребности въ отхожихъ заработкахъ, которые бросали неопытныхъ и простыхъ сердцемъ крестьянъ въ крайне испорченную среду фабричныхъ рабочихъ и всякихъ недовѣрковъ.

Эти два обстоятельства и были главнымъ источникомъ, внесшимъ въ среду крестьянства безразсудное своеволіе, какое-то чисто стихійное періодическое пьянство и то поразительное безстыдство во взаимныхъ отношеніяхъ половъ, которое положительно убиваетъ въ молодыхъ людяхъ всякое чувство стыдливости. Во многихъ сёлахъ замѣчается нарушеніе молодежью церковныхъ уставовъ, несоблюденіе постовъ, неуваженіе праздниковъ, и можно съ увѣренностью сказать, что семейная жизнь и взаимныя отношенія между родителями и дѣтьми часто представляютъ собою далеко не отрадныя картины.

Но неужели, скажутъ намъ, въ деревнѣ перевелись благочестивые люди, носящіе въ сердцѣ своемъ глубокую вѣру, незлобіе, дѣтскую простоту и прочія добрыя качества, которыми такъ отличались крестьяне 60-хъ годовъ? Неужели крестьянское молодое поколѣніе, насчитывающее въ себѣ не менѣе 10% бывшихъ учениковъ церковныхъ школъ, такъ сильно заражено ядомъ вольнодумства и до того нравственно развращено, что въ его стремленіяхъ, надеждахъ и желаніяхъ не видно никакихъ добрыхъ духовныхъ запросовъ?

Отвѣчая на эти вопросы и забывая на время отрицательныя стороны крестьянской жизни, мы должны сказать слѣдующее: жива еще въ народѣ истинная глубокая вѣра; большинство крестьянъ, достигшихъ пожилого возраста, начиная отъ 45 лѣтъ и выше, за немногимъ исключеніемъ, отличаются чрезвычайною набожностію и доброю христіанскою жизнію. Нельзя отказать въ добрыхъ чертахъ характера и среднему поколѣнію, которое за всякой церковной службой составляетъ собою преимущественный контингентъ богомольцевъ. Любознательность, желаніе стать выше въ интеллектуальномъ отношеніи и посильная забота о воспитаніи своихъ дѣтей,—вотъ тѣ лучшія качества средняго поколѣнія, которыя даютъ надежду на возможность оздоровленія крестьян-

ской среды. Что же касается до молодыхъ людей и всего вообще подростающаго поколѣнія, не достигшаго совершеннолѣтія, то настоящая жизнь представляетъ собою мало отрадныхъ фактовъ. Особенно это нужно сказать о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ фабрично-промышленные центры и гдѣ сильно развитъ отхожій промыселъ.

Тѣмъ не менѣе опытъ и наблюденія показываютъ, что духъ нравственной распущенности и легкаго отношенія къ вопросамъ Вѣры не успѣлъ еще окончательно привиться къ нашей деревенской молодежи. Замѣчено, что самые скверные, испорченные субъекты, долго проживавшіе на фабрикахъ и фольваркахъ, по возращеніи въ деревню, при наличности въ ней двухъ-трехъ солидныхъ и богобоязненныхъ парней, мало-по-малу измѣняются къ лучшему, забываютъ о своихъ скверныхъ привычкахъ и постепенно входятъ въ общую колею деревенской жизни.

Но всё таки, какъ ни прискорбно, мы должны констатировать тотъ несомнѣнный фактъ, что жизнь народа, въ общей его массѣ, изобличаетъ въ немъ упадокъ вѣры и нравственности. Кто захочетъ внимательно слѣдить за каждымъ проявленіемъ крестьянской жизни въ частномъ, семейномъ и религіозномъ отношеніяхъ, тотъ неизбѣжно прійдетъ къ тому заключенію, что простой народъ переживаетъ опасное время, что броженіе, незамѣтно происходящее въ молодыхъ и среднихъ поколѣніяхъ, можетъ отторгнуть ихъ отъ тѣхъ религіозныхъ и національныхъ основъ, безъ которыхъ немыслимо представить счастливымъ будущее нашего народа. И вся сила зла заключается въ томъ, что мы привыкли равнодушно смотрѣть на этотъ фактъ, что мы считаемъ его обыкновеннымъ явленіемъ! Мало того, мы даже увѣряемъ свою податливую совѣсть, что всё у насъ обстоитъ чрезвычайно благополучно...

Неужели у насъ подъ руками нѣтъ никакихъ средствъ для того, чтобы обезсилить и сдѣлать для народа безопасными

тѣ волны невѣрія и нечестія, которыя устремились на народъ и готовы потопить его? Вѣдь мы призваны стоять на стражѣ духовныхъ интересовъ своей паствы! Мы должны знать своихъ пасомыхъ, ихъ слабости, пороки и достоинства. Отъ насъ не можетъ и не должна укрыться никакая внутренняя работа чувствъ, мыслей и запросовъ, волнующихъ нашихъ прихожанъ. Да и въ самомъ дѣлѣ,—какое сословіе, кромѣ духовнаго, ближе всего стоитъ къ крестьянской средѣ? Гдѣ тѣ дѣятели, которые съ открытой душой, безъ всякихъ предъубѣжденій, отрекшись отъ удобствъ культурной жизни, шли бы въ народъ въ качествѣ врачей, учителей и адвокатовъ? Ихъ нѣтъ. Мы не видимъ такихъ тружениковъ въ деревнѣ.—Одно лишь духовенство, поставленное въ силу пастырской идеи и историческихъ обстоятельствъ въ непосредственное отношеніе къ народу, трудится для него въ безъизвѣстности и, не смущаясь никакими голосами критики, можетъ и даже должно раскрыть и показать жизнь народа. какъ она есть, безъ предвзятостей, безъ желанія исказить ея требованія кабинетными теоріями.

Что же говоритъ намъ лѣтопись частной и общественной крестьянской жизни за послѣднее время?

Останавливая свое вниманіе по преимуществу на фактахъ, въ которыхъ проявляются вѣрованія и религіозныя убѣжденія людей, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Въ народѣ нашемъ есть ещё „искра Божія“, та искра, въ которой чувствуется вѣра въ Бога и въ загробную жизнь и которая служитъ ему источникомъ лучшихъ надеждъ и стремленій Эта же искра сообщаетъ сѣрой крестьянской жизни смыслъ, идейное содержаніе, а не уныніе, аппатію и внутреннюю пустоту, которыми такъ богата жизнь современной намъ интеллигенціи. Иначе говоря, народъ нашъ носитъ ещё въ себѣ тѣ православно-христіанскіе принципы, которые были главной причиной силы и прочности Русскаго Государства,

онъ живётъ еще идеей православія во всей его силѣ; но.... *онъ не разумѣетъ этого отчётливо, онъ не знаетъ самой сущности своего православія*, ему, нашему народу, не достаетъ умственной силы, соотвѣтствующаго просвѣщенія.— Кромѣ идеи православія онъ не признаётъ никакой другой; эта идея служитъ для него исходнымъ пунктомъ всей его жизнедѣятельности, а потому и хочетъ онъ всѣмъ сердцемъ, чтобы просвѣщеніе и развитіе, какое ему даютъ, исходило изъ этой лишь одной идеи. Вотъ начало и корень всѣхъ духовныхъ запросовъ простого народа. Всѣ остальные истинные запросы деревни формулируются этимъ однимъ и въ немъ имѣютъ свой первоисточникъ.

Итакъ, крестьянамъ необходима прежде всего умственная сила, *истинное духовное просвѣщеніе*. Это ихъ первая, насущная потребность.

Образованный класъ зналъ эту нужду деревни; онъ пошелъ на встрѣчу раздавшимся требованіямъ свѣта, но, удовлятворяя этой потребности, впалъ въ крупную ошибку. Вмѣсто того просвѣщенія, которое тѣсно примыкаетъ къ церкви и ея завѣтамъ и которое въ сознаніи народа почитаетси истинною мудростію, наши интеллигенты въ 70-хъ годахъ преподали народу одну лишь грамотность. Они увѣряли всѣхъ, что народная школа должна имѣть общеобразовательный характеръ: что цѣль ея—дать крестьянскимъ дѣтямъ возможно большую сумму знаній. Они забыли, что основной индивидуальный элементъ русскаго народа, дающій окраску всему его существованію, есть его религіозность, что поэтому и *просвѣщеніе должно быть проникнуто православно-христіанскимъ духомъ*.—Только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Бозѣ почившій Царь-Миротворецъ исправилъ эту не малую ошибку: онъ вложилъ въ основу народнаго образованія то просвѣтительное начало, которое идетъ рука объ руку съ требованіями христіанской Вѣры; онъ отдалъ народную школу подъ покровъ Церкви.

Прошло съ тѣхъ поръ около 15 лѣтъ. Люди, наблюдающіе теченіе крестьянской жизни, пришли къ положительному убѣжденію, что только церковная школа можетъ внушить своимъ питомцамъ истинное начало мудрости, что только она можетъ освѣтить имъ тѣ идеи православія, которыя составляютъ главную силу народнаго духа. Въ каждомъ селѣ, въ каждомъ приходѣ, гдѣ только порядочно поставлена школа, можно собрать не мало отрадныхъ фактовъ, говорящихъ въ пользу того, что воспитанники церковныхъ школъ, въ общей массѣ крестьянской молодежи, служатъ тѣмъ передовымъ элементомъ, который вноситъ въ эту среду честность, порядочность, Богопочтеніе и который пробуждаетъ въ другихъ интересъ знанія.

Такое именно воспитаніе и начальное образованіе должно быть *всеобщимъ*; оно составляетъ потребность всего крестьянскаго населенія, а не двадцатой его части. Много ли выиграетъ умственный ростъ крестьянства отъ того, что изъ 1,000 дѣтей—100 попадаютъ за школьную скамью, а 900 получаютъ отказъ? Можетъ ли такая система начальнаго образованія и воспитанія оказать благотворное вліяніе на все крестьянское населеніе? Школа одинаково необходима для всѣхъ: и для богача, и для бѣдняка,—и для многоземельнаго и для безземельнаго батрака. Слѣдовательно, долгъ сельскихъ и городскихъ обществъ, уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній и всѣхъ вообще интеллигентныхъ лицъ—всѣми мѣрами оказывать нравственную и матеріальную поддержку православному сельскому духовенству въ его просвѣтительныхъ заботахъ о простомъ народѣ и способствовать скорѣйшему введенію всеобщаго обученія крестьянскихъ дѣтей.

Пусть говорятъ, что начальное образоваеіе по программѣ школъ грамоты слишкомъ недостаточно для простого народа, пусть называютъ его „архаическимъ", но оно даетъ изумительные результаты: оно повыситъ уровень умственнаго

развитія народа, оно увеличитъ сознательное отношеніе крестьянъ къ себѣ, ближнимъ и Богу, оно побудитъ осмысленнѣе относиться къ своему труду, заботиться о здоровьи и совершенствовать пріемы земледѣльческаго труда,—словомъ, начальное образованіе и воспитаніе въ духѣ Православной церкви, ставши всеобщимъ достояніемъ крестьянскихъ дѣтей, отъ 9 до 14 лѣтъ, несомнѣнно выведетъ нашего простолюдина на путь, достойный человѣческой жизни.

Разрѣшеніе вопроса о духовномъ просвѣщеніи народа въ такомъ именно смыслѣ будетъ великимъ общественнымъ и государственнымъ успѣхомъ.

Перейдемъ теперь къ раскрытію вопроса о другой не менѣе серіозной и важной потребности крестьянскаго населенія. Для этого, прежде всего, предложимъ слѣдующій вопросъ: начальное образованіе, достигаемое въ школахъ грамоты, исчерпываетъ ли собою ту конечную цѣль, какую обыкновенно имѣютъ въ виду при рѣшеніи вопроса о духовномъ просвѣщеніи народа? Вѣдь начальная школа является первымъ и главнѣйшимъ рычагомъ для пробужденія и проведенія въ дѣйствіе духовныхъ силъ подростающаго поколѣнія! Это та сила, которая должна пробудить въ школьникахъ интересъ знанія. Школа дастъ дѣтямъ одну лишь грамотность и сообщитъ ихъ духовнымъ силамъ то направленіе, какимъ сама будетъ проникнута. Но дальнѣйшее развитіе умственныхъ силъ и душевныхъ качествъ бывшихъ питомцевъ этой школы, ихъ взаимоотношеніе къ окружающей средѣ, ихъ взгляды на жизнь и всѣ вообще фазисы интеллектуальнаго развитія, переживаемые каждымъ человѣкомъ,—всё это забыто, заброшено и повидимому никого не интересуетъ. Но развѣ для общества и государства не важенъ вопросъ о томъ, подъ вліяніемъ какихъ условій формируется нравственный обликъ крестьянскихъ подростковъ? Развѣ грамотность дается этимъ послѣднимъ только для того, чтобы они, не имѣя подъ руками

положительно никакихъ книгъ, черезъ 2—3 года забыли всю свою школьную науку? Наконецъ, въ среднихъ и старыхъ поколѣніяхъ крестьянской среды имѣется такое множество грамотныхъ, жаждущихъ свѣта, что намъ кажется совершенно непростительною холодность образованныхъ классовъ къ нуждамъ меньшей братіи. Кому не приходилось наблюдать поразительной любознательности крестьянскихъ грамотѣевъ? Не только книга или газета, но даже грязный лоскутокъ бумаги, найденный на улицѣ, и тотъ привлекаетъ грамотѣя и тотъ подаетъ ему надежду вычитать что нибудь интересное или полезное.

Итакъ, религіозная пытливость крестьянскихъ грамотѣевъ и та жажда знаній, какая замѣчается въ бывшихъ питомцахъ школъ разныхъ типовъ, обязываютъ насъ сказать, что *вторая истинная потребность* крестьянской среды—это *открытіе безплатныхъ приходскихъ библіотекъ при каждой сельской церкви.*

Какія же книги должны входить въ составъ сельскихъ библіотекъ?

Если мы дѣйствительно стремимся къ удовлетворенію насущной потребности народнаго духа, то мы не въ правѣ игнорировать тѣ требованія, какія самъ народъ предъявляетъ къ чтенію книгъ.

Въ высшей степени наивными оказываются тѣ творцы народной литературы, которые думаютъ, что въ простолюдинѣ можно возбудить интересъ къ чтенію разнымъ балагурствомъ въ видѣ сказокъ, пустыхъ повѣстей и романовъ.

Не сказки, не повѣсти и романы нужны нашему крестьянину,—совсѣмъ не съ того онъ хочетъ начать свое развитіе. Въ его глазахъ имѣютъ значеніе доброй науки только тѣ книги, которыя поучаютъ его въ законѣ Господнемъ, которыя художественно рисуютъ ему примѣры благочестивой жизни и которыя утверждаютъ въ немъ волю, направленную

къ сочувствію, добру и правдѣ. Къ этому разряду книгъ направлены всѣ симпатіи нашего народа.—Относительно же тѣхъ новыхъ книжекъ и брошюръ, которыми желаютъ подслужиться нашему крестьянству ихъ составители, народная критика въ лицѣ сельскихъ грамотѣевъ коротко и ясно даетъ слѣдующій отзывъ: „читанье въ нихъ подъ часъ забавное да толку мало"...

Бѣдные издатели новыхъ народныхъ книжекъ сильно (пока) разочаровываются въ своихъ предпріятіяхъ и часто, вѣроятно вспоминаютъ неудачу Нежданова, героя Тургеневскаго романа „Новь". Вѣдь и ему задавали крестьяне свой обычный вопросъ. „а что, книга то у тебя божественная?"

Правъ былъ Достоевскій, сказавши, что „вся ошибка нашихъ интеллигентовъ въ сужденіи о народѣ заключается въ томъ, что они не признаютъ въ немъ церкви." Они дѣйствуютъ и по настоящее время вопреки законамъ логики и въ ущербъ дѣлу. Вѣдь если кто желаетъ быть полезнымъ народу, то онъ долженъ уважать его убѣжденія и желанія, долженъ дать ему то, чего проситъ онъ самъ. А радѣтели народныхъ нуждъ забываютъ эту аксіому; забываютъ, что народныя воззрѣнія продуктъ многовѣковаго опыта и что онѣ зрѣютъ на почвѣ прошлаго. Будучи сами заражены секуляризмомъ, народники стараются и въ книгахъ навязать крестьянамъ свои идеи; но... не того жаждетъ душа нашего народа!

Пишущему эти строки приходилось не такъ давно составить и открыть не малую приходскую библіотеку. Послѣдняя состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) книги духовнаго содержанія, 2) исторія, 3) географія, 4) словесность (беллетристика), 5) естествовѣдѣніе и сельское хозяйство, 6) медицина и гигіена, 7) юридическія книги и 8) ремесла. Годичный опытъ показалъ слѣдующее: грамотныхъ крестьянъ, часто приходящихъ для обмѣна книгъ, насчитывается не менѣе 50 человѣкъ. Предѣльный возрастъ ихъ отъ 15 до 50 лѣтъ. Но

нужно замѣтить, что никто изъ нихъ не читаетъ книгъ про себя: у всякаго грамотѣя набирается такое количество слушателей, какое только онъ захочетъ пустить въ свой домъ. Замѣчательнѣе всего въ данномъ случаѣ то, что книги всѣхъ послѣднихъ 7 отдѣловъ, за исключеніемъ путешествій по св. мѣстамъ, остаются положительно безъ всякаго вниманія и спроса со стороны крестьянъ. Неоднократно была дѣлана попытка пріучить крестьянъ къ чтенію мелкихъ повѣстей и разсказовъ, вполнѣ назидательныхъ по своему содержанію,—предлагались книги историческія, этнографическія,—но результаты всегда получались одни и тѣ же: „дайте что-нибудь отъ божественнаго, а эти книги для меня неинтересны". Особенною же любовью и вниманіемъ крестьянъ пользуются брошюры Павла Никольскаго, житія святыхъ, троицкіе листки и путешествія по святой земли и другія религіозно-нравственныя изданія. Книги прот. Наумовича берутся по большой части молодежью. Повторяемъ, что книги историческія и беллетристическія, въ основѣ которыхъ нѣтъ религіозно-нравственныхъ идей, лежатъ въ библіолекѣ положительно безъ всякаго употребленія.

Но, быть можетъ, намъ замѣтятъ, что нашъ опытъ очень ограниченъ, а потому и заключеніе, построенное на нёмъ, слишкомъ смѣло. Въ такомъ случаѣ, чтобы доказать исключительную любовь народа къ духовно-нравственнымъ сочиненіямъ, сошлёмся на опытъ другихъ людей, вполнѣ авторитетныхъ и компететныхъ въ данномъ дѣлѣ. Возьмите книгу В. Вахтерова „Внѣшкольное образованіе"; здѣсь собраны наблюденія учителей Московскаго округа за отношеніемъ сельскихъ грамотѣевъ къ книжному матеріалу. Наблюденія эти привели ихъ къ положительному выводу, что народъ болѣе всего „зачитывается книгами божественными и житіями святыхъ"... Еще болѣе интересныя данныя находимъ въ ноябрской книжкѣ „Русской мысли" за 1895 годъ, въ статьѣ „Изъ

отчётовъ школьнаго земскаго дѣла“. Здѣсь въ процентныхъ отношеніяхъ статистика показываетъ слѣдующее: читающихъ духовно-нравственныя книги отмѣчено 635,—читающихъ повѣсти и разсказы—270,—историческаго содержанія—68 и книги практическія—21. Эти данныя ясно говорятъ, чѣмъ живетъ нашъ народъ.

Но, быть можетъ, трудъ по просвѣщенію народа путемъ открытія библіотекъ окажется не *созидательнымъ?* Быть можетъ, библіотеки не достигнутъ своей цѣли, не будутъ продолженіемъ и дополненіемъ церковной школы, этой великой помощницы Церкви въ дѣлѣ религіознаго и этическаго воспитанія народа? Умѣстность этихъ вопросовъ для насъ очевидна въ виду общаго недовѣрія къ тѣмъ просвѣтительнымъ средствамъ, какія практикуются въ наши дни. Но эти скороспѣлыя средства (народные дома, театры и проч.), создаваемыя нашими народниками, не могутъ быть признаны естественнымъ слѣдствіемъ нашей родной культуры; всѣ они позаимствованы у запада и перенесены къ намъ съ чужой почвы. Что же касается приходскихъ библіотекъ, составленныхъ исключительно изъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, то въ пользу ихъ говоритъ всё русское преданіе относительно воспитанія народа подъ вліяніемъ церкви. Псалтирь Часословъ, а затѣмъ и Четьи-Минеи,—вотъ тѣ книги, на которыхъ воспитывался русскій народъ и которыя всегда будутъ производить на него неотразимое впечатлѣніе. Для приблизительной же оцѣнки того вліянія, какое оказываетъ библіотека на населеніе, приведёмъ слѣдующій примѣръ, выхваченный прямо изъ жизни. Приходитъ жена извѣстнаго въ приходѣ пьяницы и проситъ для своего мужа „ту книжку о пьянствѣ, которая была у сосѣдей“. Лучшимъ сочиненіемъ въ этомъ отношеніи признается брошюра П. Никольскаго „о пьянствѣ“; не менѣе сильно составлены о томъ же предметѣ на славянскомъ языкѣ Троицкіе листки. Книжки эти и были

предложены нами пришедшей женщинѣ. Прошло нѣсколько дней; приходитъ она снова и заявляетъ, что мужъ ея проситъ еще какихъ-нибудь „божественныхъ книжекъ“. Видно, первыя книги пришлись по душѣ этому человѣку, привыкшему проводить и праздники и будни возлѣ „монопольки“. И дѣйствительно, благотворное вліяніе прочитанныхъ имъ книгъ не замедлило обнаружиться въ его поведеніи. Спустя недѣли двѣ, явился онъ въ церковь и просилъ отслужить молебенъ Спасителю съ твёрдою вѣрою, что Господь поможетъ ему оставить свою пагубную привычку. Съ тѣхъ поръ не слышно ужъ больше его крика и пѣсней возлѣ винной лавки,—онъ сталъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ богомольцевъ нашего прихода. Мы могли бы привести много ещё примѣровъ, доказывающихъ благотворное вліяніе библіотеки на грамотное населеніе, но скромные размѣры и цѣль настоящей замѣтки не даютъ намъ права подолгу останавливаться на примѣрахъ.

Для всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя деревенской жизни ясно до очевидности, что умственный горизонтъ крестьянъ быстро расширяется, что народъ начинаетъ прозирать своимъ духовнымъ взоромъ въ даль мерцающаго свѣта, что онъ тянется къ этому свѣту, полный жажды интеллектуальной работы надъ своею личностью и жизнію.

Неужели мы, стоящіе у самаго источника духовнаго свѣта, закроемъ глаза передъ этимъ важнѣйшимъ въ нашей исторіи фактомъ, который служитъ поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ внутренней народной жизни? Неужели народъ, алчущій духовной пищи, долженъ находить свое удовлетвореніе въ тѣхъ мутныхъ источникахъ, которые такъ усердно предлагаются ему разными обществами и фирмами?—Идея пастырскаго служенія и близость духовенства къ народной жизни не обязываетъ ли насъ, приходскихъ священниковъ, открыть въ каждомъ приходѣ хотя небольшіе библіотечки и въ нихъ

имѣть новый источникъ силы для нравственнаго воздѣйствія на свою паству?

Открытіе же приходской библіотеки не потребуетъ большихъ затратъ: 20—25 рублей—и будетъ такое количество книгъ, какого хватитъ на долгое время самому усердному читателю—крестьянину. Дальнѣйшее увеличеніе будетъ зависѣть всецѣло отъ усердія и расположенія самихъ читателей. Но здѣсь умѣстно предложить вопросъ: откуда же взять 20—25 рублей для первоначальной организаціи приходской библіотеки? Прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ можно усматривать въ 3 пунктѣ 22 § инструкціи церковнымъ старостамъ. Безъ сомнѣнія можно сказать, что церковно-приходская библіотека почти такъ же важна для церкви и прихода, какъ важны для нихъ—прекрасная ризница и полный кругъ богослужебныхъ книгъ.

Что касается каталога книгъ, имѣющихъ войти въ приходскую библіотеку, то таковаго, къ сожалѣнію, нѣтъ ни въ продажѣ, ни въ печати. Чтобы сдѣлать для своей библіотеки удачный выборъ книгъ, намъ приходилось просиживать въ книжныхъ магазинахъ, за прилавками, цѣлые часы. Тѣмъ не менѣе въ общей массѣ купленныхъ книгъ оказалось таки не мало брошюръ, которыя, не смотря на свои многообѣщающія заголовки, признаны совершенно негодными и даже вредными для крестьянскаго населенія.

Въ виду этого, мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ предложить благосклонному вниманію нашихъ собратовъ составленный нами каталогъ, разсмотрѣнный и одобренный для приходской библіотеки Кіевскимъ Епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 13 мая 1898 года

Свящ. *М. Стельмашенко.*

## Каталогъ книгъ для безплатной церковно-приходской библіотеки.

### I. ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

1. Алмазовъ Б. Отшельникъ (Алексій, человѣкъ Божій). С.-ПБ. 5 коп.

2. Аѳонская гора. М. 1871. 5 коп.

3. Бажановъ, протопресвитеръ. Примѣры благочестія изъ житій святыхъ. СПБ. 1889. 20 коп.

4. Его же. Притчи, избранныя изъ Круммахера, СПБ. 1889. 25 коп.

5. Бахметевъ А. Разсказы о земной жизни Спасителя. Подвиги и чудеса свв. апостоловъ. М. 35 коп.

6. Бухаревъ С. Жизнь, убіеніе и чудеса св. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. М. 1892. 5 коп.

7. Бѣляевъ. Жизнь препод. Ѳеодосія Печер. 1865. 10 к.

8. Валаамская обитель. СПБ. 8 коп.

9. Важенко Петръ. О жизни и подвигахъ современныхъ намъ Свято-Аѳонскихъ Старцахъ. 1883. 20 коп.

10. Викторова. Кіево-Печерскій патерикъ. 1 руб.

11. Глинка А. Земная жизнь Пресвятыя Дѣвы Богородицы. М. 1886. 35 коп.

12. Гротъ П. Богъ въ природѣ. СПБ. 1887. 5 к.

13. Добрый Самарянинъ. М. 1878. 10 коп.

14. Думитрашко П. О праздникахъ и постахъ православной церкви. М. 1872. 15 коп.

15. Елагинъ Н. Ученіе православной церкви объ Ангелѣ-хранителѣ. СПБ. 1872. 20 коп.

---

*Примѣчаніе.* Настоящій краткій каталогъ выбранъ изъ болѣе обширнаго каталога, утвержденнаго Епархіальною властію для приходской библіотеки 2-й Николаевской церкви. с. Лесенъ, черкасскаго уѣзда.

16. Игнатій, епископъ. О кончинѣ міра. 20 коп.
17. Его же. Кающійся грѣшникъ. СПБ. 1882. 20 коп.
18. Къ животворящ. Гробу Господню. СПБ. 1884. 30 к.
19. Никольскій П. 1) Божія Матерь. 5 коп.
20. „ 2) Іисусъ Христосъ, Спаситель міра 5 к.
21. „ 3) Христова церковь. 5 коп.
22. „ 4) Пастырь церкви. 5 коп.
23. „ 5) Молебенъ. 5 коп.
24. „ 6) Поминовеніе усопшихъ. 5 коп.
25. „ 7) Пьянство и его гибельные плоды. 5 к.
26. „ 8) Отчего мы обѣднѣли? 5 коп.
27. „ 9) Храмъ Божій. 5 коп.
28. „ 10) Забота о душѣ. 5 коп.
29. „ 11) Таинство елеосвященія. 5 коп.
30. „ 12) Таинства крещенія и миропомаз. 5 к.
31. „ 13) Таинство причащенія. 5 коп.
32. „ 14) Таинство брака. 5 коп.
33. „ 15) Таинство покаянія. 5 коп.
34. Его же. 10 книжекъ о десяти заповѣдяхъ по 5 к.
35. Никольскій Василій, пр. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. 20 к.
36. Знаменскій прот. 4 книжки о великопостномъ служеніи.
„ а) Утреня. 5 коп.
37. „ б) Часы. 5 коп.
38. „ в) Литургія преждеосв. Даровъ. 5 к.
39. „ г) Великое повечеріе. 5 коп.
40. Новгородскій Н. Райскіе цвѣты съ русской земли. Владиміръ. 1892. 1 руб.
41. Егоже. Свыше наказанные нарушители десяти заповѣдей закона Божія. 1 руб.
42. Четыркинъ В. Св. Василій Великій. СПБ. 1894. 7 к.
43. Четыркинъ Ѳ. Св. Григорій Богословъ СПБ. 1895. 7 к.
44. Его же. Св. Митрофанъ Воронежскій. СПБ. 1895. 5 к.

45. Его же. Св. Почаевская Успенская Лавра. СПБ. 1892. 8 коп.

46 по 65. Троицкіе листки. 20 книгъ, по 40 листковъ въ каждой (по 50 коп.) 10 руб.

## II. РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННЫЯ и ИСТОРИЧЕСКІЯ КНИГИ.

66. Наумовичъ І. прот. Братское слово православ. христіанину о святости церковнаго обряда. 3 коп.

67. Его же. Какъ въ простотѣ живутъ люди? 50 к.

68. Его же. Христіанскія добродѣтели. 25 коп.

69. Его же. Сироты.

70. Его же. Завѣтныя три липы.

71. Его же. Псалтырникъ. 20 к.

72. Бестужевъ-Рюминъ. О крещен. Руси. СПБ. 1884. 11 к.

73. Майковъ. О святыхъ московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексіѣ. СПБ. 1893. 8 коп.

74. Ремезовъ. Сказаніе о подвигахъ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. 10 к.

75. Его-же. Сказаніе о подвигахъ княгини Ольги. 1880. 10 коп.

76. Адамовъ. Совѣсть осудила. М. 1891. 5 коп.

77. Бажина. Епитимія. Быль. М. 1890. 3 коп.

78. Барщевскій. Добрый сынъ. Кіевъ. 1888. 20 коп.

79. Диккенсъ. Смерть пьяницы. 1885. 20 коп.

80. Коваленская. Мачиха. М. 1872. 5 коп.

81. Михаловскій. Доброе слово пастыря. 1895. 3 коп.

82. Погоскій. Божеское Правосудіе. 1880. 20 коп.

83. Туренинъ. Милости хощу, а не жертвы. 1882. 25 к.

Итого на сумму 20 руб. 53 коп.

Свящ. *М. Стельмашенко.*

## Непрошенные просвѣтители простаго народа.

Замѣчено много разъ, что по селамъ, особенно съ населеніемъ сектантскимъ, часто проходятъ продавцы лубочныхъ изданій книгъ, листковъ, картинъ и прочихъ печатныхъ произведеній. На первый взглядъ такой лубочникъ ничего особеннаго собою не представляетъ и можетъ вызвать сочувствіе своимъ, повидимому, грошевымъ, но симпатичнымъ родомъ торговли. Но не всѣ лубочники таковы, какими они кажутся. Если хорошо прослѣдить за нѣкорыми изъ нихъ, то можно замѣтить подозрительную странность въ ихъ дѣйствіяхъ. Такъ, напр., лубочникъ проходитъ село въ такое время, когда его труднѣе бываетъ замѣтить, напримѣръ позднимъ вечеромъ или когда православный народъ молится въ церкви въ праздничное время. Казалось бы, наоборотъ, не въ его интересахъ быть мало замѣтнымъ въ селѣ. Но въ томъ то и дѣло, что совѣсть его, какъ видно, не вполнѣ спокойна. Замѣчательно, что такой продавецъ, войдя, хотя бы и первый разъ въ село, знаетъ, гдѣ именно, въ какихъ домахъ, живутъ сектанты штундисты, и вотъ, минуя православныхъ, онъ удачно попадаетъ въ дома сектантовъ. Здѣсь онъ зондируетъ почву общимъ разговоромъ, потомъ хитро въ разговорѣ пропускаетъ какую-нибудь небылицу, подтверждая ее печатнымъ листкомъ или картинкой... Такой листокъ или картина, повидимому, не представляютъ ничего предосудительнаго. Смотришь, и содержаніе листка религіозное, и подписано: „Дозволено цензурою“; но замѣчается, всякій разъ послѣ продажи подобнаго рода цензурныхъ произведеній, въ средѣ населенія прихода уже распространился какой нибудь нелѣпый слухъ, производящій соблазнъ въ народѣ. Слухъ всегда или по большей части выходитъ изъ дома сектантовъ, пріобрѣвшихъ листки и ими быстро распространяется среди всего темнаго населенія села. Въ прошломъ году

въ нѣкоторыхъ селахъ сквирскаго уѣзда распространился въ большемъ количествѣ экземпляровъ листокъ подъ заглавіемъ: „Описаніе наружнаго вида Спасителя нашего Іисуса Христа". Содержаніе этого листка слѣдующее. Сперва нежирнымъ шрифтомъ, какъ бы не особенно обращающимъ на себя вниманіе, помѣщено предисловіе въ нѣсколькихъ словахъ, гдѣ говорится, что это выписка изъ древнихъ рукописей римскихъ временъ: Октавіана Августа, Кесаря Римскаго; дальше съ красной строки очень, жирнымъ шрифтомъ, сразу бросающимся въ глаза написано: „Въ настоящее время явился у насъ и нынѣ еще живъ человѣкъ весьма добродѣтельный, имя ему Іисусъ Христосъ; народъ почитаетъ Его великимъ пророкомъ, а Его ученики называютъ Его сыномъ Божіимъ. Онъ воскрешаетъ мертвыхъ и исцѣляетъ всякаго рода болѣзни и недуги словомъ однимъ. Сей человѣкъ имѣетъ высокій и стройный станъ, видъ Его исполненъ важностію и сильно дѣйствуетъ на всѣхъ, такъ что взирающіе на него не могутъ не любить Его... Волосы Его цвѣта орѣха созрѣлаго... Чело гладкое и чистое, на всемъ лицѣ нѣтъ никакого пятна, и оно украшено легкимъ румянцемъ; носъ и уста правильны, бороду имѣетъ такого же цвѣта, какъ и волосы на головѣ, густую, но не долгую, раздвоившуюся на концѣ. Его взглядъ тихъ, величественъ, и пріятенъ, глаза Его небеснаго цвѣта, проникающіе въ душу и блестящіе. Онъ весьма ласковъ и любезенъ, когда учитъ и увѣщеваетъ, строгъ и страшенъ, когда обличаетъ... Ростъ Его высокій, руки прямыя и Онъ часто воздѣваетъ ихъ, плечи стройныя. Говоритъ немного, но съ важностію и каждое Его слово взвѣшено. По истинѣ сей человѣкъ есть прекраснѣйшій изъ всѣхъ человѣковъ, и въ Немъ видна истина, въ которой лести нѣтъ". Казалось бы такой листокъ въ рукахъ христіанина долженъ служить лишь къ укрѣпленію Православной вѣры, но не то происходитъ. Продавцы листковъ, передавая ихъ малограмотнымъ крестьянамъ, снабжаютъ ихъ и своимъ толкова-

ніемъ, что молъ написаное здѣсь относится къ настоящему времени. Простой народъ археологіей не заинтересованъ и на предисловіе, что это выписка изъ древнихъ рукописей, вниманія не обращаетъ, а, на основаніи послѣдующаго описанія, вѣритъ, будто теперь, въ переживаемое нами время, явился на землѣ Бого-Человѣкъ Сынъ Божій. Поднимаются толки въ народѣ, соблазнъ растетъ, сектанты торжествуютъ, что удалось смутить православный народъ, а лубочникъ уже далеко и пошелъ въ другія мѣста насѣвать плевелы... Замѣтитъ настоятель прихода что то неладное, съ трудомъ достанетъ у скрытныхъ сектантовъ такой листокъ, начнетъ разъяснять, что это молъ выписка изъ древнихъ рукописей, но простой народъ археологіи не знаетъ, размышляетъ по своему, что печатному надо вѣрить, да и не охотно разстается со своимъ ложнымъ убѣжденіемъ. Кто не знаетъ, какъ бываетъ трудно разубѣдить нашего крестьянина въ томъ, что онъ зарубилъ себѣ разъ на всегда. Обратиться къ полиціи и отобрать соблазнительные листки тоже трудно; въ концѣ листка написано: „печатать дозволяется,“ и не имѣетъ никто права отобрать листокъ. Такъ и развивается пропаганда штундистовъ—малеванцевъ, которые именно и относятъ это описаніе наружнаго вида Господа нашего Іисуса Христа къ своему лжехристу Кондрату Малеванному. Съ появленіемъ въ народѣ такихъ листковъ и сектанство значительно возрасло въ нѣкоторыхъ селахъ сквирскаго уѣзда.

Другой примѣръ, не менѣе заслуживающій вниманія, какъ лубочники просвѣщаютъ простой нашъ народъ, слѣдующаго рода. Тѣмъ же путемъ, что и листки, распространялись въ нѣкоторыхъ селахъ картины, изображающія, въ краскахъ идею всемірнаго разоруженія. На картинахъ изображенъ Государь Императоръ Николай II-й въ царской порфирѣ, держащій въ воздѣтыхъ къ верху рукахъ вѣтвь—символъ мира. Подъ ногами Его изображены изломанные пушка и мечи.

Но лубочные просвѣтители и сектанты иначе истолковали темному народу эту картину. По преднамѣренному толкованію сектантовъ, выходитъ, что нашъ Государь объявилъ побѣду штундизма надъ православіемъ (?!),—прибавляется къ этому сектантами и еще многое, недостойное печати. Народъ православный въ крайнемъ недоумѣніи, а сектанты торжествуютъ. И много бываетъ подобныхъ двумъ вышеуказаннымъ случаевъ, когда проходимцы, подъ благовидной личиной лубочныхъ торговцевъ, разносятъ по селамъ нелѣпые слухи, соблазняющіе нашъ простой народъ; довѣрчивость и необразованность нашего народа представляетъ удобную почву для нихъ. Ясно, почему сектантство иногда развивается при отсутствіи видимыхъ причинъ. Подтверждается давно высказанная уже въ печати догадка о существованіи тайныхъ неблагонамѣренныхъ обществъ „просвѣтителей простаго народа,“ агентами которыхъ и бываютъ часто лубочники. Очень благовременно было бы обратить особое вниманіе на продавцевъ книгъ, листковъ и картинъ для простаго народа.

Села Дѣдовщины Сквир. у., свящ. *Іустинъ Шиманскій.*

---

## Претыканіе и соблазнъ.

Куреніе табаку у насъ въ Россіи въ настоящее время сильно распространено, и едва-ли не всѣми считается дѣломъ безразличнымъ, невиннымъ и пріятнымъ удовольствіемъ. Вредъ табакокуренія часто и забывается, и не сознается. Брошюры и статьи о вредѣ табакокуренія, иногда основанныя на отзывахъ такихъ компетентныхъ лицъ, какъ С. П. Боткинъ, нынѣ едва-ли кѣмъ и читаются, да ужъ и въ печати теперь никто не осмѣливается возражать противъ этого столь распространеннаго недуга. Нынѣ только дѣтямъ говорятъ: „не

курите табаку", а о взрослыхъ всѣ молчатъ, какъ будто табакокуреніе имъ и полезно и свойственно.. Но не объ этомъ наша рѣчь.

Къ глубокому прискорбію, въ ряду поклонниковъ табакокуренія находятся и нѣкоторые изъ нашего духовенства: курятъ священники, курятъ діаконы и псаломщики, курятъ нѣкоторые учителя церковно-приходскихъ, земскихъ и другихъ школъ [1]). У всѣхъ почти такихъ лицъ, табакокуреніе обратилось въ страсть. Духовные, едва окончатъ службу, какъ спѣшатъ съ услажденіемъ накуриться. А нѣкоторые, только что выйдя изъ храма и сгорая нетерпѣніемъ, забѣгаютъ въ церковную караулку или школу и тутъ кадятъ своему кумиру. Случается, что псаломщики и учителя часто выходятъ изъ храма во время службъ затѣмъ лишь, чтобы „отвесть душу" табакокуреніемъ. Нѣкоторые изъ духовныхъ, по большей части старики, табакокуреніе бросаютъ, но замѣняютъ его нюханіемъ табаку и, къ крайнему сожалѣнію, не стѣсняются нюхать даже въ храмѣ, во время богослуженія. Что же касается домашней жизни, то здѣсь любители табаку даютъ себѣ полный просторъ, курятъ и курятъ (или нюхаютъ) безпрестанно, не стѣсняясь иногда прихожанъ, приходящихъ къ нимъ по какому-либо дѣлу, и съ папиросой во рту разсуждаютъ о какихъ-либо дѣлахъ своей жизни, а учителя не стѣсняются своихъ маленькихъ питомцевъ, свободно при нихъ раскуривая, правда, не въ классѣ, и соблазняя „малыхъ сихъ", у которыхъ подражаніе есть характерная черта ихъ, и которыхъ поэтому необходимо щадить. Въ силу постоянной привычки къ табаку, отправленіе требъ, служеніе вечерни и всенощной, по необходимости, у курящаго духо-

[1]) Собственно говоря, учителей церковно-приходскихъ, а земскихъ и вовсе мы не имѣемъ права причислять къ духовенству,—и мы не причисляемъ ихъ здѣсь, а упоминаемъ лишь объ нихъ по тому соображенію, что они тоже дѣятели народные, и дѣятельность ихъ близко соприкасается съ дѣятельностью духовенства въ народѣ.

венства какъ бы предваряется и заканчивается табакокуреніемъ дома.

„Не то де, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка,“ готовы съ запальчивостью сказать всѣ поклонники табакокуренія, если имъ кто-либо осмѣлится указать на несовмѣстимость табакокуренія съ ихъ достоинствомъ и положеніемъ въ обществѣ. И мы вовсе не намѣрены обличать всѣхъ потребителей табаку изъ духовенства, точно также—и не доказывать имъ вредъ этой пагубной привычки съ точки зрѣнія медицины, потому что это хорошо доказано спеціалистами этого предмета, но мы имѣемъ въ виду нравственную сторону дѣла—и, главнымъ образомъ, великія слова Апостола Павла: „сіе паче судите, иже не полагати претыканія брату или соблазна“ (Рим. XIV, 13).

Духовному лицу или учителю можно ли считать табакокуреніе дѣйствіемъ безразличнымъ? Приснопамятный Епископъ Ѳеофанъ вотъ какъ говоритъ касательно безразличныхъ дѣйствій: „Хорошо ли допускать въ себѣ дѣйствія безразличныя? Не хорошо. Христіанину должно всемѣрно заботиться о томъ, чтобы все у него обращалось въ средство къ цѣлямъ нравственнымъ... Въ христіанинѣ потому уже безразличныя дѣла не безразличны, что они допускаются въ его жизни по нерадѣнію, суть плодъ нравственно-худого состоянія“ [1]). Служеніе духовенства въ мірѣ таково, что оно каждый часъ и каждую минуту должно быть нравственно-готовымъ, чтобы во всѣхъ нуждахъ прихожанъ обращаться съ молитвою къ Богу и дерзновенно просить Его за нихъ. Священнослужитель можетъ ли посему допускать въ себѣ безразличныя дѣйствія, когда, въ силу своего служенія, онъ долженъ быть постоянно нравственно-чистымъ, прося Господа: „да не свободу инымъ возвѣщаяй и сію подаваяй вѣрою совершенною, Твоего неизре-

[1]) Начертаніе христіанскаго нравоученія Еп. Ѳеофана. Москва 1891 г. Стр. 103.

ченнаго человѣколюбія, самъ яко рабъ грѣха неискусенъ буду“?.. [1]) Имѣетъ ли право священнослужитель табакокуреніемъ, какъ ядомъ, осквернять уста свои и свое сердце, коими онъ возноситъ словесную службу Тому, Кто отъ Своихъ назореевъ постоянно требовалъ воздержанія, къ кому обращается онъ съ молитвою: да не *омерзиши мя* [2]) „*или да не отринеши мене отъ отрокъ твоихъ* [3])?..“ Положимъ, что самъ по себѣ табакъ не оскверняетъ человѣка, но коль скоро онъ обратился въ страсть или въ излишнюю потребность, притомъ же въ страсть или потребность губительную для здоровья человѣка, подобно чрезмѣрному винопитію,—то несомнѣнно употребленіе табаку прямо является оскверненіемъ тѣла, которое у всякаго священно-церковнослужителя есть органъ его словеснаго служенія Богу и какъ таковой должно быть безусловно чистымъ. „Тѣло, разсуждаетъ великій мыслитель благочестія, Епископъ Ѳеофанъ,—сосудъ души и духа,—органъ сношенія со всѣмъ внѣшнимъ, орудіе къ выполненію земнаго назначенія и средство воспитанія себя (а у священно-церковнослужителя—и другихъ) для вѣчности, потому оно достойно всего вниманія, попеченія и блюденія,“ а не разрушенія, къ которому приводитъ человѣка табакокуреніе, и не страстолюбія, во что у многихъ обратилась привычка къ табаку, потому что далѣе тотъ же святитель утверждаетъ: „о тѣлѣ должно заботиться, но отрѣшенно, безстрастно, не простирая попеченія о немъ до похотей,“ Рим. 13, 49 [4]). Въ силу же того, что всякая грѣховная страсть и чрезъ нее всякое самоубійство у насъ именуется и безнравственностью, то, скажите по совѣсти, не заслуживаетъ ли подобнаго имени

---

[1]) Требникъ. Москва 1893 г. стр. 36.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Служебникъ. Изъ молитвы во время пѣнія херувимской пѣсни.

[4]) Начертаніе христіанскаго нравоученія Е. Ѳеофана. Москва 1891 г. стр. 466.

и современное табакокуреніе и нюханіе табаку; а если заслуживаетъ, то не обязано ли духовное лицо, какъ передовая личность въ народѣ, бросить всякую привычку къ табаку?! Думаемъ, что отрицательнаго отвѣта не должно быть.

Но о томъ, безнравственно или нѣтъ употребленіе табаку, мы представляемъ болѣе судить совѣсти самихъ потребителей, а сами перейдемъ къ разсмотрѣнію того, не стоитъ ли оно въ прямомъ противорѣчіи съ словами Апостола: *„сіе паче судите, еже не полагати претыканія брату или соблазна“*. Московскій Святитель Филаретъ разсуждаетъ по поводу этихъ словъ Апостола: „если мы предъ ближнимъ нашимъ говоримъ такія слова, или дѣлаемъ такія дѣла, которыя произведутъ въ немъ худые помыслы и разстройство душевное, то мы полагаемъ ему претыканіе; если нашими словами или дѣйствіями даемъ поводъ, побужденіе, поощреніе ко грѣху, то полагаемъ ему соблазнъ.“ (Слово о соблазнахъ. Изд. 1845, Ш, 416—480). Употребленіемъ табаку мы полагаемъ „претыканіе“ народу. О томъ, что нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ употребляютъ табакъ, знаютъ весьма многіе изъ простаго народа. А нужно сказать, что благочестіе нашего народа еще въ старину нарекло употребленіе табаку грѣхомъ. И большинство простаго благочестиваго нашего народа смотритъ на табакокуреніе и нюханіе именно какъ на грѣхъ, а потому и само воздерживается отъ него и на употребленіе его духовными лицами смотритъ неодобрительно, а иногда даже и скорбитъ объ этомъ. Это особенно нужно сказать о православномъ народѣ въ приходахъ, зараженныхъ сектантствомъ и старообрядчествомъ. Въ такихъ приходахъ весьма часто православному народу и самому духовенству, которое, къ чести его сказать, въ такихъ приходахъ въ большинствѣ воздерживается отъ употребленія табаку, хотя и не всегда,—отъ старообрядцевъ или сектантовъ приходится слышать укоры, что въ Православной церкви нѣкоторыя духовныя лица ку-

рятъ, ни для кого не скрытно, и тѣмъ „порочатъ де и себя и свою церковь". Часто говорятъ они:—„у васъ хорошо, да не у всѣхъ; пошли бы къ вамъ, да много у васъ табашниковъ." Разумѣется, какъ тутъ не отговаривайся, а чувствуешь въ душѣ непріятную сторону дѣла, особенно если замѣчаешь, что и православный народъ много смущается этимъ и жалуется на эту-де „несправедливость духовныхъ."

Сектанты и старообрядцы весьма хитро пользуются этою слабостью нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ и постоянно наговариваютъ темному народу, что „табакокуреніе и табаконюханіе будто великій и непростительный грѣхъ, что въ православной церкви де всѣ духовные табашники, что они де и въ храмахъ употребляютъ табакъ, что де и молитву то свою оскверняютъ, потому что и крестятся щепотью де, которой нюхаютъ табакъ, что чрезъ то самое де вся церковь осквернена табакомъ, что въ ней де нѣтъ истинныхъ пастырей, что поэтому необходимо де отдѣляться отъ Православной Церкви, какъ оскверненной." А народъ слушаетъ этихъ лицемѣровъ, благочестивыхъ совнѣ, (за кулисами многіе изъ нихъ и табакъ употребляетъ изрядно, да не дурно и вино попиваютъ), не понимаетъ ихъ наглой и дерзкой лжи, огульной на Церковь и все духовенство, склоняется на ихъ сторону и хотя, можетъ быть, не рѣшается отдѣлиться отъ Православной Церкви, но все же онъ душевно разстроенъ, все онъ какъ-то боится и смущается въ душѣ: „не правъ ли де сектантъ или раскольникъ, отдѣлившійся отъ Церкви, и не погибнетъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, по ихъ словамъ, въ Церкви, и поэтому глубоко скорбитъ въ душѣ и уже самъ осуждаетъ, что „духовнаго званія лица и учителя школъ" употребляютъ табакъ. Народъ привыкъ видѣть въ жизни этихъ лицъ нравственную поддержку и подкрѣпленіе для себя, а вмѣсто этого онъ находитъ „претыканіе" себѣ... Онъ и знаетъ, что курятъ только нѣкоторыя духовныя лица, но, по своему умственному состоянію, онъ не

пособенъ обсудить, что всей Церкви и всего духовенства это нисколько не касается, что грѣхъ употребленія табаку ложится на совѣсть потребителей его, что они сами по себѣ будутъ отвѣчать за это предъ Богомъ, что всѣ наговоры сектантовъ и старообрядцевъ ложь. Народъ хорошо знаетъ фактъ, что нѣкоторые духовные лица курятъ или нюхаютъ табакъ, но онъ не способенъ стать выше этого факта, а тѣмъ болѣе стать выше лжи злонамѣренныхъ „иновѣрцевъ", онъ слишкомъ простъ и довѣрчивъ, чтобы заподозрить кого-нибудь во лжи. Это послѣднее обстоятельство и вредитъ ему въ сношеніяхъ съ разнаго рода хитрыми и обманчивыми старообрядцами и сектантами.

Надо строго оберегать намъ духовнымъ народную душу, не давать ей болѣть ради нашей прихоти употребленія табаку, чтобы не положить претыканій брату, которое бываетъ временами велико и ложится всей своей массой на совѣсть претыкающаго.

Употребляя табакъ, мы тѣмъ самымъ даемъ поводъ, побужденіе и поощреніе народу къ тому же и чрезъ это самое, конечно, „полагаемъ соблазнъ," унося чрезъ это и народное здоровье и благосостояніе. Мы такъ думаемъ объ этомъ. Въ настоящее время и народъ, къ глубокому сожалѣнію, не весь сохранился отъ употребленія табаку. Не говоримъ о городѣ,— въ селахъ нынѣ часто встрѣтишь трубокуровъ и нюхальщиковъ. И вотъ видишь блѣдныя и испитыя лица, покрытыя мертвящею желтизною!.. И не жаль такъ городской народъ, какъ сельскій! Этотъ послѣдній,—постоянный труженикъ о насущномъ хлѣбѣ, тратитъ послѣдніе гроши на табакъ, истощающій его и безъ того надорванныя великимъ трудомъ физическія силы. Да только ли?!.. Въ селахъ, гдѣ развито табакокуреніе, бываютъ ужасные пожары,—и не рѣдко. Броситъ кто-либо по своей небрежности дымящуюся папиросу,—и вотъ горитъ подъ часъ все село или деревня,—горитъ не

разъ, и каждый годъ. Кто же виноватъ, что табачная культура проникла и въ простой народъ и заставила его бѣдствовать? Кто не предвидѣлъ великой бѣды народной здѣсь? Виновато все курящее интеллигентное общество, которое своей маніей къ табаку заразило и народъ. Виноваты и много виноваты въ этомъ и учителя школъ и духовныя лица, кои иногда въ такихъ селахъ нисколько не воздерживаются отъ употребленія табаку и въ присутствіи народа не стѣсняются курить. Народъ хотя и привыкъ издавна смотрѣть на употребленіе табаку какъ на грѣхъ, тѣмъ не менѣе соблазняется и самъ начинаетъ курить; особенно соблазняются молодые люди, на которыхъ всякая новинка заразительно дѣйствуетъ. Духовенству и учителямъ необходимо разъяснить народу всю гибельность употребленія табаку. Но они, вмѣсто этого, сами становятся виновниками употребленія народомъ табаку, открыто подавая собою примѣръ и тѣмъ соблазняя на худое дѣло. Народъ вѣдь часто глубоко вѣритъ своему духовенству, а потому и перестаетъ смотрѣть на употребленіе табаку, какъ на худое дѣло, такъ какъ видитъ тому примѣръ въ такихъ лицахъ, на которыхъ онъ привыкъ смотрѣть, какъ на представителей благочестія и всего хорошаго въ жизни. Не лежитъ ли поэтому на насъ духовныхъ обязанность ни въ какомъ случаѣ не полагать претыканія и соблазна брату нашему—православному народу?! Таково убѣжденіе наше относительно употребленія табаку духовными лицами.

(*Изъ Тамб. Еп. В.*)

---

## Вниманію сельскихъ матушекъ.

Чтобы распространить въ народѣ правильныя понятія о религіи или о чемъ-либо другомъ, нужно обязательно обратить вниманіе на женщинъ. Вѣдь женщина—мать семьи; на ней лежитъ воспитаніе дѣтей какъ физическое, такъ и нрав-

ственное. А какая она воспитательница, когда сама ничего не знаетъ и бродитъ ощупью во тьмѣ? Да и трудно ей при настоящемъ положеніи дѣла научиться чему-либо: читать она не умѣетъ, разсказать ей что-либо полезное—некому; людей просвѣщенныхъ въ деревнѣ очень мало, а еще меньше такихъ, которые охотно дѣлятся своими знаніями съ простымъ народомъ. Священники, учителя хотя и дѣлаютъ съ своей стороны все возможное въ этомъ отношеніи, но имъ однимъ долго не достигнуть желаемыхъ результатовъ. Исходя изъ того положенія, что жена должна быть помощницей своего мужа, не пора ли женамъ духовенства выступить въ качествѣ просвѣтительницъ народа? Не пора ли расширить свой умственный кругозоръ и взглянуть немного подальше, чѣмъ своя собственная семья и свое собственное хозяйство? Пора пробудиться и матушкамъ и быть ими для народа не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ. Я не говорю о томъ, чтобы каждая изъ насъ открыла женскую школу, хотя есть уже и такія матушки, которыя, несмотря на то, что обременены дѣтьми, находятъ время быть учительницами въ женскихъ школахъ, открытыхъ по ихъ иниціативѣ, участвуютъ въ религіозно-нравственныхъ чтеніяхъ, занимаются въ школахъ за отсутствіемъ мужей, и проч. Не говорю объ общественной дѣятельности, мало доступной для женщинъ. Но есть частная дѣятельность, въ области которой матушки могли бы принести немалую пользу народному просвѣщенію. Съ 1 ноября 1898 года я устроила воскресныя бесѣды съ женскимъ населеніемъ своего села. Я поручила батюшкѣ пригласить всѣхъ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ въ воскресенье въ школьное помѣщеніе, спустя часъ послѣ окончанія обѣдни. Тамъ я обратилась къ нимъ съ слѣдующими словами: „Я пригласила васъ сюда затѣмъ, чтобы поближе познакомиться съ вами,—узнать, какъ вы живете, чѣмъ занимаетесь, въ чемъ нуждаетесь. Узнать это я хочу не изъ простого любопытства,

а изъ желанія помогать вамъ, чѣмъ могу. Матеріальной помощи, если бы и хотѣла, принести не могу, такъ какъ сама не обладаю большими средствами, но желаю дѣлиться съ вами своими знаніями. Не могу похвалиться, что знаю слишкомъ много, но все же думаю, что знаю болѣе, чѣмъ вы; а потомъ я имѣю то преимущество, что грамотная, слѣдовательно, о томъ, чего не знаю, могу прочесть и сообщить вамъ. Во первыхъ, я познакомлю васъ съ начатками православнаго ученія, т. е. буду учить васъ вѣрѣ и молитвамъ, буду разсказывать Священную исторію и показывать картины, относящіяся къ ней. Потомъ я знаю, что наше населеніе крайне нуждается въ медицинской помощи, такъ какъ земская больница въ 35 верстахъ, а участковый фельдшеръ въ 15 верст.; къ тому же дорога лѣсомъ неудобна для ѣзды. Съ болѣзнями прошу обращаться ко мнѣ, потому что у меня есть всѣ необходимыя лѣкарства, и я читала книги и журналы о сохраненіи здоровья и лѣченіи болѣзней, пріобрѣла нѣкоторыя знанія, такъ что могу подать помощь заболѣвшему хоть на первое время, а также подать тотъ или другой совѣтъ. Далѣе, каждая крестьянская женщина и дѣвушка носитъ одежды: платья, кофточки и т. п.; а каждая ли умѣетъ кроить и шить то, что носитъ? По всей вѣроятности—нѣтъ; напротивъ, большинство совсѣмъ не умѣетъ шить, а въ особенности кроить, что очень печально. И въ этомъ случаѣ я умѣю придти къ вамъ на помощь, научить васъ кроить и шить хотя самое необходимое. Не будетъ ли изъ васъ желающихъ учиться вязать крючкомъ кружева, вышивать въ тамбуръ и т. п.? Если у васъ есть свободное время, отчего не заняться такими рукодѣльями? „Отъ умѣнья руки не болятъ"—говоритъ пословица. Начнемъ же съ Божьей помощью это доброе дѣло, и дай Богъ, чтобы оно принесло кому-нибудь хотя и небольшую пользу.—Была у меня мысль учить желающихъ грамотѣ, но, не надѣясь одна

справиться съ такой обширной задачей, я отложила ее до поры до времени: авось Господь мнѣ пошлетъ помощницу въ этомъ дѣлѣ. Сначала на мои воскресныя бесѣды собирались однѣ только дѣвицы, и на вопросъ: почему не ходятъ женщины?—онѣ отвѣчали, что имъ уже стыдно учиться. Но мало-по-малу я добилась того, что стали ходить ко мнѣ и женщины. Въ третье воскресенье отъ начала бесѣдъ пришла женщина уже немолодая, пришла тогда, когда чтеніе было окончено, а я занималась рукодѣліемъ съ дѣвушками. Я посадила ее рядомъ съ собой и повела бесѣду на тему о воспитаніи дѣтей. Изъ разговора съ ней я узнала, что у нея было семь человѣкъ дѣтей и ни единаго нѣтъ въ живыхъ; кромѣ того, изъ нихъ одинъ только достигъ пятилѣтняго возраста, остальныя же умерли, не достигая одного года. Женщина на видъ здоровая, да и мужъ, по ея словамъ, ничѣмъ не боленъ. Такая смертность дѣтей въ младенческомъ возрастѣ у крестьянъ обусловливается ихъ крайней неразвитостью, ихъ полнымъ незнаніемъ и непониманіемъ, какъ справиться съ трудною задачей воспитанія ребенка. Не говоря уже о нравственномъ воспитаніи, воспитаніе ребенка физическое стоитъ въ крестьянствѣ на крайне низкомъ уровнѣ. Вотъ въ этомъ случаѣ надо, и не только надо, но и необходимо придти на помощь крестьянской женщинѣ и научить ее хоть маломальски осмысленному уходу за ребенкомъ. Не говоря уже о томъ, сколько гибнетъ дѣтей, благодаря невѣжеству матерей; не говоря о ихъ страданіяхъ и нравственныхъ страданіяхъ матерей,—сколько еще получается уродовъ на всю жизнь: идіотовъ, глухонѣмыхъ, просто глухихъ, нѣмыхъ, горбатыхъ и кривоногихъ, съ разными неправильностями брюшныхъ органовъ (наше село изобилуетъ всѣмъ этимъ) вслѣдствіе грыжи, которая происходитъ исключительно отъ неправильнаго кормленія ребенка. Неправильное кормленіе дѣтей въ крестьянствѣ и составляетъ корень зла, противъ котораго

надо бороться всѣми мѣрами. Трудно въ высшей степени убѣдить въ чемъ бы то ни было нашего простолюдина, но не невозможно. Заключаю это изъ того, что женщины, которыя бываютъ у меня въ школѣ или которыя обращаются съ больными дѣтьми, слѣдуютъ моимъ совѣтамъ почти неукоснительно. Вообще простой народъ не гнушается нововведеній, если видитъ въ нихъ несомнѣнную для себя пользу. Дѣятельность на поприщѣ просвѣщенія народа можетъ быть весьма рязнообразна, какъ и способы ея проявленія. Если каждая изъ насъ сдѣлаетъ хоть что-нибудь въ предѣлахъ своего прихода то въ общей сложности это будетъ уже не столь мало.

(*Симб. Еп. Вѣд.*).

## Добрый совѣтъ псаломщикамъ.

1. Помни § 10 отд. 2 Постановленій Кіевскаго собора и всѣ церковныя службы и требы совершай безъ извращенія церковнаго чина, благоговѣйно и благообразно, читай и пой внятно и неспѣшно, соблюдая древній церковный образъ чтенія и пѣнія. Главное—не торопись, читая святыя молитвы! Кто тебя гонитъ? Куда ты спѣшишь? Или тебѣ жалко лишній часъ въ недѣлю посвятить на усердную, разумную и сердечную молитву ко Господу? Вразумись, не гнѣви Господа, не унижай молитвы, не соблазняй народа и не торопись.

2. Читай такъ, чтобы прежде всего ты самъ понималъ, что читаешь, и чтобы читаемыя молитвы и псалмы такъ проникали въ твое сердце, чтобы ты самъ молился не устами и языкомъ только.

3. Послѣ себя, не забывай народа, стоящаго во святомъ храмѣ; читай такъ, чтобы тебя понялъ и народъ, чтобы и онъ вмѣстѣ съ тобой, первостоящимъ во храмѣ, единѣми

усты и единѣмъ сердцемъ молился и прославлялъ Господа; для этого-то и собираемся мы во святой храмъ.

4. Если ты плохо читаешь, то не лѣнись дома чаще упражняться въ чтеніи божественныхъ книгъ, такъ чтобы при богослуженіи ты всегда могъ читать съ благоговѣніемъ, свободно, ясно и всѣмъ понятно.

5. Когда читаетъ другой и ошибается, то не поправляй его громко и во время службы, чѣмъ отвлекаешь вниманіе людей въ сторону отъ молитвы, а замѣчай самъ, и послѣ службы скажи ему наединѣ.

6. Плохимъ чтецамъ, во избѣжаніе соблазна, лучше вовсе не давать читать до тѣхъ поръ, пока они дома не выучатся хорошо и съ благоговѣніемъ читать.

7. Во время службы не кашлять громко на всю церковь, не разговаривать, а тѣмъ болѣе смѣха не творить; ибо если вы, чтецы и пѣвцы, заведете на клиросѣ бесѣду, смѣхъ и всякій шумъ, то какъ будетъ молиться народъ, который собрался молиться вмѣстѣ съ вами?

8. Если во время богослуженія придется за чѣмъ либо пройти по церкви, то не торопись, не толкай народъ, а главное—не стучи каблуками на всю церковь, а ходи тихо, смирно и съ благоговѣніемъ, чтобы отъ тебя и люди выучились, какъ ходить по церкви во время богослуженія и какъ стоять въ ней.

9. Старайся и пѣть Господу разумно и отъ чистаго сердца, такъ чтобы твое пѣніе, проникая въ сердца людей, располагало и къ молитвѣ.

10. Пой такъ, чтобы можно было понять слова, не торопись.

11. Напѣвъ не измѣняй по своему произволу: сегодня одну пѣснь пѣлъ такъ, а завтра ту же пѣснь и на тотъ же напѣвъ, но уже немного иначе, такъ что другіе съ тобою чрезъ это не могутъ пѣть согласно и разомъ.

12. Читай и пой съ одинаковымъ благоговѣніемъ и усердіемъ всегда: и когда много народа во храмѣ, и когда мало, и когда никого не будетъ, кромѣ священника, тебя и сторожа; потому что работаешь ты Богу, а не людямъ; людей ты псалмами и пѣснями духовными только призываешь къ Богу и научаешь ихъ жить по-Божьему, а когда людей по какому-либо случаю или въ будніе дни нѣтъ, то ты и за нихъ работай Господеви со страхомъ.

13. Если есть у кого учиться хорошему и благоразумному пѣнію, то никогда не лѣнись учиться оному и не пренебрегай совѣтами знающихъ людей.

14. Если священникъ указываетъ тебѣ на какую-либо ошибку или недостатокъ, то ты не сердись, не дуйся и не груби ему, а слушай и исправляй, потому что священникъ обязанъ указывать тебѣ это; а не укажетъ, то самъ отвѣчаетъ.

15. Вообще совѣты и распоряженія священника по церкви всегда принимай охотно и съ любовью къ дѣлу Божію исполняй.

16. Добрыхъ, послушныхъ, любящихъ дѣло Божіе и усердныхъ чтецовъ и пѣвцовъ да благословитъ Господь и да поможетъ имъ стать лучшими, чтобы сподобились они услышать отъ Господа вожделѣнныя слова: *добрый и вѣрный рабъ, войди въ радость Господа твоего* (Матѳ. 25, 21). А нерадивые и лѣнивые не забывайте словъ Пророка: *проклятъ человѣкъ, творяй дѣло Господне съ небреженіемъ.* Поэтому не губите себя, не соблазняйте народъ, исправьтесь и творите дѣло Божіе со страхомъ и съ благоговѣніемъ.

(*Подол. Еп. Вѣд.*).

# ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„Въ Корсунскую школу грамоты требуется правоспособный учитель, имѣющій голосъ *перваго тенора.* Жалованья въ годъ 300 руб. при квартирѣ съ отопленіемъ, прислугой и обстановкой."

---



---

Неоффиціальной части редакторъ, прот. *Павелъ Троицкій.*

**Содержаніе:** Поученіе 15 августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы.—Истинные духовные запросы крестьянской среды.—Непрошенные просвѣтители простаго народа.—Претыканіе и соблазнъ.—Вниманію сельскихъ матушекъ.—Добрый совѣтъ псаломщикамъ.—Объявленія.

Отъ Кіевск. духовн. цензурн. Комитета печат. дозв. 10 августа 1899 года
Цензоръ, проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.